

Эрик-Эмманюэль Шмитт
МЕЧТАТЕЛЬНИЦА
ИЗ ОСТЕНДЕ

Каждая история –
маленький шедевр!

Эрик-Эмманюэль Шмитт

**Мечтательница из
Остенде (сборник)**

«Азбука-Аттикус»

2007

Шмитт Э.

Мечтательница из Остенде (сборник) / Э. Шмитт — «Азбука-Аттикус», 2007

Эрик-Эмманюэль Шмитт – философ и исследователь человеческой души, писатель и кинорежиссер, один из самых успешных европейских драматургов, человек, который в своих книгах «Евангелие от Пилата», «Секта эгоистов», «Оскар и Розовая Дама», «Ибрагим и цветы Корана», «Доля другого» задавал вопросы Богу и Понтию Пилату, Будде и Магомету, Фрейду, Моцарту и Дени Дидро. В сборнике новелл «Мечтательница из Остенде» Шмитт, как всегда, интригует читателя: загадочная перчатка, которую Эмма Ван А. хранила всю жизнь, идеальное преступление, тайна красоты, и наконец, почему в зрелом возрасте опасно читать бульварные романы. Автор предлагает блистательные и совершенно неожиданные сюжетные решения.

© Шмитт Э., 2007

© Азбука-Аттикус, 2007

Содержание

Мечтательница из Остенде	6
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Эрик-Эмманюэль Шмитт

Мечтательница из Остенде (сборник)

La rêveuse d'Ostende

ÉRIC-EMMANUEL SCHMITT

Copyright © Editions Albin Michel S. A., – Paris 2007

© Е. Березина, перевод, 2014

© И. Волевич, перевод, 2014

© Е. Драницына, перевод, 2014

© А. Попова, перевод, 2014

© Г. Соловьева, перевод, 2014

© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2014

Издательство АЗБУКА®

Мечтательница из Остенде

Мне кажется, я никогда не встречал человека с такой обманчивой внешностью, как у Эммы Ван А. В нашу первую встречу она произвела на меня впечатление болезненной, замкнутой женщины, блеклой, банально изъяснявшейся, – словом, вполне заурядной особы – отвернешься и тут же забудешь. Но вот однажды я коснулся ее подлинной сути, и с тех пор она постоянно тревожит мое воображение: эта интригующая, властная, блестящая, парадоксальная, неистощимая натура навечно поймала меня в сети своей обольстительности.

Некоторые женщины являют собой ловушки, в которые невозможно не угодить. Иногда из таких ловушек уже не суждено выбраться. Вот и Эмма Ван А. держит меня в надежном плену.

Это началось робким прохладным мартовским днем в Остенде.

Я всегда мечтал попасть в Остенде.

В путешествиях меня – прежде самих мест – манят их названия. Эти слова звучат в моих ушах далеким звонким набатом, чьи звуки, паря над колокольнями, разносятся на тысячи километров и рождают в душе удивительные образы.

Остенде...

Гласные и согласные намечают план, возводят стены, создают атмосферу. Носит ли селение имя какого-нибудь святого, моя фантазия тотчас же строит дома вокруг церкви; складываются ли буквы в название леса – скажем, Буафор¹, – или полей – Шампиньи², – улочки заполняют пышная зелень; означают ли строительный материал – например, Пьерфон³, – я мысленно соскребаю штукатурку со стен замка, обнажая тесаные глыбы; напоминают ли о некоем чуде – взять хоть Дьёлёфи⁴, – мне представляется посад, воздвигнутый на крутизне, над равниной. В общем, подъезжая к очередному городу, я прежде всего встречаюсь с именем.

Я всегда мечтал попасть в Остенде.

Вероятно, я так и тешил бы себя пустой мечтой, сидя на месте, если бы разрыв с возлюбленной не побудил меня пуститься в странствия. Уехать! Бросить этот Париж, переполненный воспоминаниями о любви, которой больше нет! Сменить поскорей воздух, сменить климат...

Север казался мне спасительным выходом – там мы никогда не бывали вместе. Я развернул карту, и взгляд мой сразу притянули семь букв, начертанных на голубом фоне с надписью «Северное море», – «Остенде». Меня соблазнило не только его звучание – я вспомнил, что у одной моей знакомой есть адрес подходящего места в этом городе, где можно было бы остановиться. Несколько телефонных звонков, и все уладилось: жилье забронировано, вещи погружены в машину, и я взял курс на Остенде, спеша так, будто судьба моя ждала меня именно в этом городе.

Поскольку слово начиналось на «О» (словно рот, округленный удивлением) и продолжалось звуком «с», напоминавшим о мягком сыпучем песке, оно предваряло мое восхищение гладким песчаным пляжем, бескрайним, бесконечным... Поскольку три следующие буквы – «тен» – ассоциировались у меня со словом «teint» (краска, оттенок), я представлял себе улицы в пастельных тонах, безмятежно дремлющие под ясным небосводом. И наконец, поскольку лингвистические корни подсказывали, что речь идет о городе, «который стоит лицом к западу», я приготовился увидеть домики окнами на море, обгаренные лучами заходящего солнца.

¹ (Le) bois fort (*фр.*) – дремучий лес. – *Здесь и далее прим. перев.*

² Champigny (от *фр.* (le) champs) – поле.

³ Pierrefonds (*фр.*) – можно перевести как «строительный камень».

⁴ Dieulefit (*фр.*) – «Господь сотворил это».

Однако, прибыв туда к ночи, я несколько растерялся. Если в каких-то отношениях реальный облик Остенде отвечал моим грезам об Остенде, то в других – жестоко противоречил им: это был самый что ни на есть обычный городишко в захолустье, во Фландрии, стоявший между гладью воды и гладью полей; он и впрямь мог похвастаться обширным пляжем и старинной дамбой, но все остальное ясно говорило о том, что бельгийцы, под тем предлогом, что нужно открыть для мира этот уголок, обезобразили его вконец. Целые кварталы жилых домов, гигантских, точно океанские лайнеры, безвкусных и безликих, но зато в полной мере отвечавших требованиям жилищной рентабельности, явили моему взгляду урбанистический хаос – результат алчности застройщиков, жаждущих вытянуть денежки у представителей среднего класса, проводивших здесь свои оплаченные отпуска.

К счастью, жилище, в котором я снял второй этаж, было родом из XIX века: его возвели при Леопольде II, короле-строителе. Вполне типичное для своей эпохи, оно выглядело в нашем времени явлением исключительным. Эта одинокая вилла, затерянная среди современных многоэтажек – символов убогого геометрического воображения, примитивных параллелепипедов, разделенных на этажи, в свой черед разделенных на квартиры, которые слепо пилились на улицу тонированными стеклами уныло симметричных окон (от такой симметрии возникало отвращение к любой рациональности!), – свидетельствовала о четком архитектурном замысле своего создателя; весь свой долгий век она неторопливо прихорашивалась, то и дело меняя размеры и расположение входных отверстий, выдвигаясь вперед здесь в виде балкона, там в виде террасы или застекленной оранжерейки, дерзко решаясь на высокие, низкие, средние и даже угловые окна, более того, забавы ради – так кокетка вдруг из прихоти наклеивает себе мушку на лоб – пробивая круглое слуховое оконце под самым коньком черепичной крыши.

Женщина лет пятидесяти, рыжая, с широким багровым лицом, встала в проеме открытой двери.

– Тебе чего?

– Здесь живет госпожа Эмма Ван А.?

– Ага, здесь, – пробормотала она с грубоватым фламандским акцентом, вполне отвечавшим ее крестьянскому обличью.

– Я снял у вас на две недели второй этаж. Моя знакомая из Брюсселя должна была вам сообщить...

– Ну да, верно! Мы тебя ждем! Пойду скажу тетке. А ты давайходи, пожалуйста,ходи.

Она выхватила у меня чемоданы своими шершавыми ручищами, внесла их в переднюю и с неожиданной фамильярностью подтолкнула меня в сторону гостиной.

У окна виднелся силуэт хрупкой женщины, сидящей в инвалидном кресле, лицом к морю, чей темно-синий простор неразличимо сливался с таким же темным небом.

– Тетя Эмма, вот он, твой жилец.

Эмма Ван А. развернула свое кресло и взглянула на меня.

Другие на ее месте встрепенулись бы, встретили гостя любезным приветствием, стараясь понравиться, она же безмолвно, внимательно изучала меня. Очень бледная кожа, скорее увядшая, нежели сморщенная от старости, черные и седые пряди волос, образующие не седую, а именно контрастную, двухцветную шевелюру, узкое лицо на длинной тонкой шее – такова была Эмма Ван А. Чем объяснялось это молчание – почтенным возрастом, привычной манерой поведения? Ее голова клонилась к левому плечу, почти касаясь его ухом, отчего приподнятый подбородок был обращен вправо, и чудилось, будто она не только рассматривает меня искоса, но и вслушивается.

Пришлось мне заговорить первым:

– Здравствуйте, мадам, я очень рад, что вы позволили мне остановиться у вас.

– Вы писатель?

Тут я разгадал смысл ее пристального взгляда: она пыталась определить, похож ли я внешне на человека, сочиняющего романы.

– Да.

Она ответила облегченным вздохом. Видимо, именно моя писательская профессия побудила ее открыть мне двери своего дома.

Племянница моей хозяйки поняла, что новоприбывший выдержал вступительный экзамен, и протрубила своим хриплым голосом:

– Ладно, сейчас кончу убираться в комнатах, а ты погоди, через пять минут все будет готово.

Эмма Ван А. проводила удалявшуюся женщину взглядом, каким смотрят на верную, но глуповатую собаку.

– Извините ее, месье, моя племянница не умеет обращаться к людям на «вы». Видите ли, на нидерландском языке принято говорить только «ты».

– Ну что ж, было бы жаль лишиться себя такого удовольствия и перейти с «ты» на «вы».

– А я полагаю, что приятнее всего пользоваться языком, в котором есть только «вы», разве нет?

Почему она так сказала? Неужели боялась, что я поведу себя слишком фамильярно? Я стоял, смущенно переминаясь с ноги на ногу. Она предложила мне сесть.

– Как интересно: я провожу свою жизнь среди книг, но никогда еще не встречала писателя.

Быстро оглядев комнату, я убедился в ее правоте: книжные полки гостиной были забиты тысячами томов, некоторые из них вторглись даже в столовую. Чтобы позволить мне лучше рассмотреть их, она проехала между шкафами в своем бесшумном, как тень, кресле на колесах и включила несколько мягко светивших ламп.

Ничто так не тешит мне душу, как вид типографской продукции, – тем не менее эта библиотека произвела на меня, сам не знаю отчего, тягостное впечатление. Все тома выглядели в высшей степени внушительно, все были бережно переплетены в кожу или холст, на обложках сверкали золотыми буквами имена авторов и названия; правда, книги стояли не по ранжиру, хотя никакого хаоса или нарочитой симметрии в их рядах тоже не наблюдалось, просто они, видимо, подчинялись некоему особому порядку, который свидетельствовал о неизменных вкусах их владелицы, и тем не менее... Неужто мы настолько свыкаемся с оригинальными изданиями, что заново переплетенная коллекция приводит нас в смущение? Или же меня огорчило то, что я не увидел здесь своих любимых обложек? Я даже не мог внятно сформулировать причину своей растерянности.

– Надеюсь, вы простите мне, что я не читала ваших романов, – сказала она, превратно истолковав мое недоумение.

– О, не стоит извинений. Никто не может прочитать все, что издается. Да я и не жду этого от своих знакомых.

Успокоившись, она перестала теребить коралловый браслет на своем худеньком запястье и улыбнулась стенам, заставленным книгами.

– Однако я все свое время посвящаю чтению. Читаю и перечитываю. Да, главным образом, перечитываю. Очень многие книги. Согласитесь, настоящие шедевры открываются только с третьего или четвертого раза, не так ли?

– А по каким критериям вы распознаёте шедевр?

– Когда я не пропускаю одни и те же отрывки.

Она сняла с полки том в кожаном переплете гранатового цвета и с волнением приоткрыла его.

– Вот, например, «Одиссея». Я могу раскрыть ее на любой странице и наслаждаться чтением. А вы любите ли Гомера, месье?

– Н-ну... разумеется.

Ее взгляд слегка помрачнел, и я понял, что она сочла мой ответ легкомысленным, если не хвастливым. А потому поспешил развить свою мысль применительно к обстоятельствам.

– Я часто отождествлял себя с Улиссом, поскольку он проявляет больше хитрости, чем ума, не торопится с возвращением домой и, почитая Пенелопу, одновременно удостаивает своим вниманием всех красивых женщин, встреченных в пути. Словом, он так мало добродетелен, этот Улисс, что я чувствую свою кровную близость с ним. И нахожу его вполне современным.

– Это любопытно – считать аморальность современным качеством, любопытно и... наивно. С каждым новым поколением молодые люди воображают, будто именно они изобрели порок, – что за самонадеянность! А какого рода книги пишете вы сами?

– Моего собственного. Они не укладываются ни в какие общепринятые жанры.

– Ну, прекрасно, – заключила она профессорским тоном, подтверждаящим, что это испытание я выдержал с честью.

– Вы позволите преподнести вам один из моих опусов?

– О!.. Вы привезли свои книги сюда?

– Нет, конечно. Но зато я уверен, что в книжных магазинах Остенде...

– Ах да... в книжных магазинах...

Она произнесла эти слова так, словно ей напомнили о чем-то давнем и прочно забытом.

– Знаете, месье, ведь эта библиотека принадлежала моему отцу, он преподавал литературу. Я жила среди этих книг с самого детства, и у меня никогда не возникало надобности пополнить его собрание. Здесь есть несколько произведений, которые я до сих пор не успела прочесть. Да вот, к чему далеко ходить – как раз за вашей спиной стоят Жорж Санд, Диккенс... У них еще осталось несколько томов, которые ждут меня. И Виктор Гюго тоже.

– Знаете, что характерно для гения Виктора Гюго? То, что у Виктора Гюго всегда находится хотя бы одна не прочитанная вами страница.

– Верно. И это меня успокаивает: так приятно жить в безопасности, под охраной этих гигантов. Вот почему здесь и нет этих... новинок.

Она произнесла слово «новинки» после секундного колебания, выговорив его с брезгливым сожалением и понизив голос, словно имела в виду нечто вульгарное, почти непристойное. Слушая ее, я начал догадываться, что это слово означает для нее чисто коммерческое понятие, род модной поделки, весьма далекой от подлинного литературного произведения; мне стало ясно также, что в ее глазах я всего лишь автор «новинок», иными словами поставщик таких вот модных поделок.

– Да ведь романы Доде или Мопассана тоже были по выходе в свет «новинками», не правда ли? – спросил я.

– Но время определило их место в литературе! – ответила она так возмущенно, словно я изрек шокирующую глупость.

Я чувствовал сильное искушение сказать ей, что теперь она проявила наивность, однако не счел себя вправе перечить моей хозяйке; мне было достаточно того, что я установил наконец причину своего замешательства: этой библиотеке не хватало притока свежего воздуха, она застыла, превратилась в музей сорок или пятьдесят лет назад и рисковала остаться таковым до тех пор, пока ее владелица не решится на «новые вливания».

– Простите за нескромный вопрос, месье, вы одиноки?

– Я приехал сюда, чтобы утешиться после разрыва с...

– О, я сожалею... крайне сожалею... я причинила вам боль, напомнив об этом... простите меня, бога ради!

Ее горячее сочувствие, испуг, внезапное волнение подчеркивали ее искренность; видно было, что она действительно раскаивается в том, что вернула меня к печальным воспоминаниям. Она растерянно пролепетала:

– Остенде самое подходящее место для тех, кто страдает от любовных ран...

– Неужели? Так, вы думаете, я здесь исцелюсь?

Нахмурившись, она пристально взглянула на меня:

– Исцелитесь? Значит, вы надеетесь исцелиться?

– Ну да, хочу, чтобы моя рана затянулась.

– И вы полагаете, что вам это удастся?

– Да, я так думаю.

– Очень странно, – прошептала она, пристально разглядывая меня, будто только сейчас увидела впервые.

Нижние ступени лестницы задрожали под грузными шагами племянницы, которая ворвалась в комнату, скрестила короткие руки на бесформенной груди и торжественно провозгласила:

– Ну вот, можешь въезжать! Там наверху все комнаты твои. Какую захочешь, такую и выберешь. Пожалуйста, иди за мной.

– Герда вас проводит, господин писатель. С тех пор как у меня начались проблемы со здоровьем, я могу жить только на первом этаже. Это и позволяет мне предоставить вам весь второй этаж, вам будет там удобно. Можете брать и читать любые книги, только с условием, что будете потом ставить их на место.

– Благодарю вас.

– Если вы просыпаетесь не слишком рано, Герда будет подавать вам завтрак.

– Меня бы устроило в половине десятого.

– Ну и прекрасно. Итак, спокойной ночи, месье, и – добро пожаловать в Остенде!

Сам не знаю, как меня осенило, но я угадал в Эмме Ван А. женщину, привыкшую, чтобы ей целовали руку. И оказался прав: едва я подошел к ней, как она протянула мне руку, над которой я склонился согласно правилам хорошего тона.

Племянница пялилась на нас, точно на пару клоунов; пожав плечами, она схватила мои чемоданы и потащила их наверх под скрип содрогавшейся деревянной полированной лестницы.

В тот момент, когда я выходил из гостиной, меня остановил голос Эммы Ван А.:

– Месье, я все думаю о том, что вы сказали... ну о том, что надеетесь на скорое исцеление. Пусть вас не удивляет моя реакция, это было одобрение. Я вам тоже этого желаю. Я была бы очень рада, если бы это случилось.

– Спасибо, мадам Ван А., я и сам был бы очень рад.

– Потому что если вы оправитесь от этого горя, значит, грош ему цена.

Я так и замер с разинутым ртом.

Она устремила на меня пронзительный взгляд и добавила непререкаемым тоном:

– От главной любви в жизни оправиться невозможно.

С этими словами она взялась за колеса своего кресла и в три секунды развернула его к окну, на то же место, где я застал ее, войдя в комнату.

Наверху я увидел интерьер, отделанный с уверенным, хотя и вычурным женским вкусом; он выглядел старомодным, но это только добавляло ему шарма.

Я обошел помещения и выбрал комнату с «голубыми синицами», названную так из-за стеной полотняной обивки с японскими мотивами, от ее блеклых оттенков веяло тонким очарованием. Раскладывая вещи, я вынужден был расчищать для них место среди многочисленных безделушек, но и эти излишества – например, затейливые изделия из ракушек – смотрелись здесь вполне уместно именно в силу их обилия.

Герда порекомендовала мне несколько ресторанов, вручила связку ключей и удалилась: ей еще предстояло проехать на велосипеде с десятков километров, отделявших виллу тетки от ее дома.

Я остановил выбор на ближайшем к вилле «Цирцея» ресторане, а пешую прогулку отложил на завтра. Опынев от морского воздуха, я едва добрал до кровати и мгновенно забылся сном под тяжелыми стегаными перинами.

Утром, после обильного завтрака, принесенного Гердой и состоявшего из грибов, яиц, картофельных крокетов и прочей еды, я сошел вниз, и вид Эммы Ван А., сидевшей на своем посту у окна, уже не вызвал у меня никакого удивления.

Она не слышала, как я спускался по лестнице, и в безжалостном дневном свете, заливавшем гостиную, мне было нетрудно как следует разглядеть лицо моей хозяйки, определить ее манеру держаться.

Она ничего не делала, но при этом отнюдь не казалась праздной. В ее глазах непрерывно отражались самые разнообразные чувства, размышления то морщили, то разглаживали лоб, губы сжимались, словно удерживая готовый вырваться наружу поток слов. Переполненная бурной внутренней жизнью, Эмма Ван А. делила себя между раскрытым романом, лежавшим у нее на коленях, и грезами, захватывающими ее, когда она взглядывала на морскую бухту. Мне чудилось, будто передо мной идут параллельным курсом два корабля – корабль ее грез и корабль чтения; время от времени, когда она опускала веки, их пути на миг скрещивались, пенные шлейфы за кормой сливались воедино, а потом ее корабль снова уходил вдаль. Она читала лишь с одной целью – не пускаться в это плаванье в одиночку, читала не для того, чтобы заполнить духовную пустоту, но чтобы охладить чересчур бурную творческую фантазию. Литература служила ей родом кровопускания, помогавшего избежать лихорадки...

Эмма Ван А. была, наверное, очень красива даже в старости. Однако недавнее кровоизлияние в мозг – или удар, как выразилась Герда, – превратило это царственное старение в жалкое угасание. Теперь мышцы ее одрябли, прежде хрупкое тело выглядело попросту тощим. Она казалась такой невесомой, что легко было представить ее истончившиеся, ломкие косточки. Изуродованные артрозом суставы делали ее движения неловкими, но она не обращала на это ни малейшего внимания – так ярко горел в ней внутренний огонь. А вот глаза сохранили былую красоту, они были прекрасны – огромные, ярко-голубые, отражавшие плывущие в небе облака с севера.

Мое приветствие вырвало ее из задумчивости, и она оторопело воззрилась на меня. В этот миг ее нетрудно было счесть помешанной. Но она тотчас улыбнулась настоящей, искренней, не лицемерной улыбкой, просиявшей, как солнечный лучик в серой океанской хмари.

– А, вот и вы, добрый день! Как вам спалось?

– Настолько хорошо, что ровно ничего не помню. Сегодня буду знакомиться с Остенде.

– Завидую вам... Что ж, приятного дня, месье.

Я бродил по Остенде много часов, стараясь углубляться во внутреннюю часть города минут на двадцать, не больше, и неизменно возвращаясь к приморскому бульвару или дамбе, – так чайку притягивает соленый воздух океанских просторов.

Северное море гаммой красок напоминало устрицу – зеленовато-коричневый цвет волн перетекал в жемчужно-белую кипень на их гребнях; эти изменчивые оттенки, эта неуловимая игра переливчатых бликов исцеляли меня от ослепительных воспоминаний о средиземноморских пейзажах с их чистой голубизной и желтым песком, с ярким сочетанием красок, незамысловатым, как на детских рисунках. Здесь же приглушенные тона воды ассоциировались с йодистым привкусом даров моря, которые можно отведать в прибрежных пивных, да и само море казалось более соленым.

Хотя прежде я никогда не бывал в Остенде, на меня нахлынули воспоминания, и я позволил детским впечатлениям убаюкать свой взрослый разум. Закатав до коленей брюки, я проплепал по колкому песку, а затем омыл ступни в мягкой воде. И, как в детстве, зашел в волны только чуть выше щиколотки, побаиваясь двинуться дальше. И, как в детстве, почувствовал себя совсем крошечным под этим бескрайним небосводом, перед этими бесконечными грядками волн.

Народу вокруг было мало. Одни старики. Отчего пожилые люди так любят морское побережье? Не потому ли, что купальщики не имеют возраста? Ибо при этом они снова впадают в детскую беспомощность, возвращаются к простым уладам младенчества. Ибо если дома и торговые заведения непременно свидетельствуют о скоротечном времени, то уж песок и волны всегда остаются нетронутыми, непорочными. Что такое пляж? – это волшебный сад, над которым не властно время.

Я купил себе креветок и стоя съел их, макая в пластиковую баночку с майонезом, а затем снова пустился бродить.

На виллу «Цирцея» я вернулся к шести часам вечера, вконец одурманенный ветром, солнцем и грезами.

Эмма Ван А. обернулась ко мне, с улыбкой констатировала мое состояние восторженного опьянения и понимающе спросила:

– Ну что, понравился вам Остенде?

– Волшебное место!

– И далеко вы ушли?

– До самого порта. Хотя, знаете, честно говоря, я не смог бы осесть тут без надежды уплыть дальше.

– Ах так! Значит, вы остались бы здесь лишь при условии, что сможете уехать? Вот уж поистине мужское рассуждение.

– Вы верно угадали. Мужчины становятся моряками, а женщины...

– ...супругами моряков! Потом вдовами моряков.

– А чего же еще ждать, живя весь свой век близ порта, на краю земли?!

Оценив дерзкий задор моего восклицания, она молча, одобрительным взглядом поощрила меня к продолжению. Я и продолжал:

– Чего ждать, если не отплытия?

Она коротко пожала плечами, отменяя эту гипотезу:

– Тогда, значит, остается только возвращение?

Ее огромные голубые глаза впились в меня, и мне почудилась в них глубокая скорбь, однако ее твердый голос опроверг мое предположение:

– Воспоминания, месье, остаются воспоминания.

Вслед за чем ее взгляд снова обратился вдаль. И снова она мысленно улетела туда, где мне не было места; она созерцала морской простор, как я смотрел бы на чистый лист бумаги, готовясь запечатлеть на нем свои грезы.

О чем она вспоминала? Ни одна вещь под крышей этого дома не выдавала ее собственного прошлого: вся его обстановка – и книги, и мебель, и картины – была достоянием предыдущих поколений. Мне чудилось, будто она явилась в это фамильное гнездо подобно сороке-воровке – принесла в клюве украденное сокровище, сложила его тут и бережно хранит, разве только обновила занавеси да перекрасила стены.

Поднявшись наверх, я задал вопрос ее племяннице:

– Герда, ваша тетушка призналась мне, что проводит свои дни в воспоминаниях. Как вы думаете, о чем она вспоминает?

– Даже и не знаю. Работать она никогда не работала. И замужем не была, осталась в девках.

– Неужели?

– Да уж можешь мне поверить. Так и не спозналась ни с одним мужчиной, бедняжка моя тетя Эмма. Ни с одним. У нас в семье это доподлинно известно. Стоит заговорить о мужчине или о свадьбе, она сразу прячет голову, что твоя улитка в раковину.

– Может, у нее расстроилась помолвка? Или жених погиб на войне? И это событие она расценивает как трагедию своей жизни, лелеет как драгоценное воспоминание?

– Да какое там! В те времена, когда вся семья еще была в сборе, мои дядья и тетки много раз предлагали ей хорошие партии. И еще какие приличные были женихи! Но ты не поверишь, месье, она отказывала им всем подряд.

– Очень любопытно...

– И чего ради – чтобы коротать свой век в одиночестве? Нет, я бы так не смогла... Взять хоть моего мужика – не скажу, что он самый приглядный в наших краях, но, по крайности, он тут, у меня под боком, он наделал мне ребятишек. А прозябать вот так, как моя тетка, – да лучше повеситься!

– Но ведь она совсем не выглядит несчастной.

– Это верно, она ни на что не жалуется. Даже теперь, когда силенок у нее осталось совсем маловато, а сбережения растаяли, как масло на огне, она и на это не сетует, вот поди ж ты! Только сидит у окна, глядит на море, да улыбается, да мечтает. Если подумать, у нее в жизни ничего стоящего не было, зато уж в мечтах небось ого-го...

Герда была права. Эмма жила где-то далеко, не среди нас. Даже посадка ее головы, бесильно клонившейся вбок на хрупкой шее, создавала впечатление, что она не выдерживает тяжести грез.

Именно после этого разговора я и присвоил своей хозяйке прозвище Мечтательница... Мечтательница из Остенде.

На следующий день она услышала, как я спускаюсь по лестнице, и подкатила ко мне в своем кресле.

– Не хотите ли выпить со мной кофе?

– С удовольствием, мадам.

– Герда, принеси нам две чашки, пожалуйста.

И она прошептала, стараясь, чтобы та не услышала:

– Герда варит такой жидкий кофе, что он даже младенца не взбодрит.

Герда поднесла нам две большие чашки с дымящейся жидкостью так гордо, словно наше желание поболтать за этим напитком воздавало должное ее кулинарным талантам.

– Мадам Ван А., я был поражен тем, что вы сказали мне в первый вечер.

– Что именно?

– Я быстро исцеляюсь от горестей, которые выгнали меня из Парижа; стало быть, разорвав эту связь, я не много потерял. Помните, вы тогда утверждали, что человек легко утешается, утратив что-то незначительное, зато никогда не оправится, лишившись главной любви своей жизни.

– Однажды я видела, как молния ударила в дерево. И я ощутила тесное родство с ним. Бывают мгновения, когда горишь, когда сжигаешь себя, и этот экстаз потрясает навечно. После него остается лишь пепел. – Она обернулась к морю. – Никогда еще обрубок дерева, даже свежеспиленного, не давал жизнь новому стволу.

Меня вдруг пронзила мгновенная догадка: вот она-то, прикованная к своему креслу, и есть этот обрубок, прочно сидящий в земле...

– Мне кажется, вы имеете в виду себя, – мягко сказал я.

Она вздрогнула, у нее перехватило дыхание. Внезапное, почти паническое беспокойство сотрясло ее руки. Пытаясь скрыть смятение, она взялась за чашку, сделала глоток, обожгла губы и сердито выбрала горячий кофе.

Я сделал вид, будто поверил в ее уловку, и охладил кофе, подлив в чашку воды. Дождавшись, когда она успокоится, я все же добавил:

– Поверьте, мадам Ван А., я не намерен вас расспрашивать, я уважаю вашу тайну и не стану допытываться, в чем она состоит.

Она перевела дух и испытующе посмотрела на меня, желая определить, насколько искренни мои слова; я храбро выдержал ее взгляд. Убедившись в том, что я не лукавлю, она наконец склонила голову и прошептала совсем другим тоном:

– Благодарю.

Настал момент преподнести ей одну из моих книг, купленных накануне; я вытащил ее из заднего кармана брюк.

– Посмотрите, я принес вам свой роман, который считаю самым удачным. Я был бы счастлив, если бы вы нашли время прочесть его и высказали свое мнение.

Она испуганным движением прервала меня:

– Мне... прочесть? Но... это невозможно...

И она прижала руку к сердцу.

– Поймите, я читаю одних только классиков. Я не читаю эти... эти...

– Новинки?

– Да, эти новые издания. Я жду.

– Вы ждете... чего же?

– Жду, когда репутация автора утвердится, когда его произведение сочтут достойным занять место в *настоящей* библиотеке, когда он сам...

– Вы хотели сказать: когда он сам умрет?

Эти слова вырвались у меня помимо воли. Я был ужасно обижен, что Эмма Ван А. отвергла мой подарок.

– Ну же, не стесняйтесь, скажите прямо: лучшие авторы – это умершие авторы! Что ж, будьте покойны, мне тоже рано или поздно придет конец. Однажды я подвергнусь этой процедуре освящения смертью, и на следующий день вы, может быть, прочтете мои книги!

Отчего я пришел в такую ярость? Какое это имело значение – восхищается мной какая-то старая дева или нет? И почему я так стремился заинтересовать ее своей особой?

Она выпрямилась в кресле, попыталась как можно выше поднять голову и, даром что ей это не очень-то удалось, смерила меня надменным взглядом:

– Не будьте так самонадеянны, месье. Ввиду моего возраста и непрерывных приступов мне суждено уйти из жизни раньше вас, довольно скоро. И кончина не одарит меня никаким талантом. Как, впрочем, и вас.

Ее кресло сделало резкий разворот и проскользнуло между библиотечными шкафами.

– Как ни печально, но необходимо принять эту данность: нам с вами не по пути. – Она остановила кресло перед широким окном, выходящим на море. – Иногда людям, созданным для горения, не суждено испытать вместе, сообща, уготованную им великую страсть, потому что один из них слишком молод, а второй слишком стар. – И она добавила упавшим голосом: – Очень жаль, мне бы хотелось вас прочесть...

Она была искренне огорчена. Странное дело – эта женщина перевернула все мои представления о жизни. Я подошел к ней.

– Мадам Ван А., я вел себя неприлично: позволил себе вспылить, по-дурацки преподнес этот подарок, да еще так бесцеремонно навязывал его вам. Простите меня!

Она обернулась ко мне, и я увидел, что ее прежде сухие глаза полны слез.

– Поверьте, я была бы очень рада не прочесть, а проглотить вашу книгу, но... не могу.

– Почему же?

– Ну, представьте себе – вдруг она мне не понравится...

При одной этой мысли ее передернуло от ужаса. Ее бурное волнение умилило меня. Я ей улыбнулся.

Она ответила мне, также с улыбкой:

– Это было бы ужасно, ведь вы мне так симпатичны.

– А в качестве плохого писателя я был бы вам менее симпатичен?

– Нет, но вы стали бы смешны. А я ценю литературу настолько высоко, что мне невыносимо было бы думать о вас как о посредственности.

Она была искренней до предела, сверх предела, все ее существо было пронизано этой убийственной искренностью.

А меня одолевал смех. Ну чего ради я мучаю нас обоих из-за нескольких страниц! И внезапно я подумал: как же мы с ней трогательны.

– Ладно, давайте помиримся, мадам Ван А. Я забираю свой роман, поговорим о чем-нибудь другом.

– Нет, и это тоже невозможно.

– Что – невозможно?

– Говорить. Я не могу рассказать вам то, что хотела бы.

– А кто вам мешает?

Она беспомощно оглянулась, словно ища поддержки у окружающих ее книг, попыталась ответить, сдержалась, потом все-таки произнесла слабо, почти неслышно:

– Я. – И повторила с огорченным вздохом: – Да, я сама...

Внезапно ее глаза встретились с моими, и она в отчаянном порыве бросила мне:

– Знаете, я ведь была молода, я была обворожительна.

Зачем она это говорила? Какая здесь была связь с предыдущим? Я растерянно пялился на нее.

Но она повторила, упрямо качая головой:

– Да, я была обворожительна. И любима!

– Я в этом уверен.

Она смерила меня разъяренным взглядом:

– Нет, вы мне не верите!

– Верю...

– А впрочем, все равно. Мне совершенно безразлично, что обо мне думают или думали. Больше того, мне это не только безразлично, но я сама стала причиной всех тех заблуждений, которые давали пищу для сплетен. Сама их провоцировала.

– А что же о вас говорили, мадам Ван А.?

– О... ничего определенного...

Наступила пауза.

– Ничего. Абсолютно ничего.

И она пожала плечами.

– Герда вам ничего не рассказывала?

– О чем?

– Об этом «ничего». Ведь родственники считают, что моя жизнь прошла впустую. Ну, признайтесь...

– Э-э-э...

– Вот видите, она и вам уже наболтала, что моя жизнь пуста. А ведь она была удивительно насыщенной, моя жизнь. И это «ничто» – чистая выдумка.

Я подошел к ней:

– Вы не хотите мне рассказать?

– Нет. Я обещала.

– Простите, не понял.

- Я обещала хранить тайну.
- Кому? И в чем?
- Ответить – значило бы частично выдать мою тайну...

Эта женщина сбивала меня с толку: под внешностью замшелой старой девы кипели бешеный, закаленный неуголимой яростью темперамент и отточенный ум, мечущий слова, точно кинжалы.

Она повернулась ко мне:

– Так вот, знайте, что я была любима. Мало кто был любим так, как я. И я любила сама. Так же страстно. Да, да, так же... если это возможно...

И ее глаза затуманились слезами.

Я положил руку ей на плечо, стараясь ободрить:

- Никому не возбраняется рассказывать историю любви.
- А мне нельзя. Потому что это затрагивает слишком важные персоны.

И она ударила кулаками по коленям, словно приказывала молчать кому-то, кто порывался заговорить.

– Кроме того, стоило ли всю жизнь хранить тайну, а теперь вдруг взять и раскрыть ее? К чему? Чтобы все мои многолетние усилия пропали втуне?

Ее узловатые пальцы вцепились в колеса инвалидного кресла, с неожиданной силой толкнули их, и она, покинув гостиную, заперлась в своей спальне.

Выйдя из виллы «Цирцея», я столкнулся на тротуаре с Гердой, которая сортировала мусор, перед тем как разложить его по разным бакам.

- Вы уверены, что ваша тетушка так и не узнала страстной любви?
- Да я побожусь, что нет! Над ней частенько из-за этого подшучивали. Сам подумай – случись такое, она давным-давно выложила бы нам все, просто чтоб душу облегчить!

Она с оглушительным треском сплющила три пластиковые бутылки и скатала их в крошечные тугие комки.

- А вот я сильно сомневаюсь, Герда, есть у меня подозрение, что это не так.
- Ну вот, сразу видеть, что ты зарабатываешь на жизнь дурацкими выдумками, ей-богу!

Тоже мне напридумывал!

Ее короткие руки разорвали плотный картон легко, как папиросную бумагу. Внезапно она застыла, глядя на пару чаек, паривших над нашими головами.

– Ладно, коли уж ты стоишь на своем, я вспомнила про дядю Яна. Да, про него. Он очень любил тетю Эмму. И однажды сказал мне по секрету странную вещь: все мужчины, которые увивались за тетей Эммой, потом бежали от нее, как от чумной.

- Почему?
- Она их отпугивала, говорила всякие гадости.
- Она – и гадости?
- Так он мне сказал, дядя Ян. Да вы и сами видите: никто ее не захотел.
- Если разобраться в том, что сообщил вам дядя Ян, то скорее это она никого не захотела. Озадаченная таким поворотом, племянница замолчала.

Я продолжал:

– Если она была так же требовательна к мужчинам, как к писателям, то понятно, отчего ни один из них не нашел у нее снисхождения. И раз уж ей не попадались мужчины на ее вкус, она делала все, чтобы отвадить других. Иными словами, ваша тетушка просто желала сохранить независимость!

- Может, и так, – неохотно согласилась племянница.
- И кто знает, не отталкивала ли она их потому, что хотела сохранить себя для единственного избранника, того, о котором никогда никому не рассказывала?

– Тетя Эмма? Чтоб тетя Эмма вела двойную жизнь? Эта бедолага?

И Герда скептически хмыкнула. Тетка интересовала ее лишь до тех пор, пока считалась «убогой»; она питала к ней покровительственную привязанность, смешанную с жалостью, если не с легким презрением, но стоило Герде заподозрить, что за поведением старухи кроется расчетливость или богатство, как она тотчас потеряла бы к ней всякий интерес. Тайны ее ничуть не волновали, а объяснения принимались только с условием, что будут просты и понятны. Герда принадлежала к числу людей, для которых понимать что-либо означает стоять обеими ногами на земле, а всякие романтические изыски – звук пустой.

Мне хотелось слоняться по Остенде весь день, однако капризный климат сократил мою прогулку. Мало того что задул противный холодный ветер, мешавший мне собраться с мыслями, – низкие темные тучи в конце концов пролились тяжелым холодным дождем.

Пару часов спустя я прибежал на виллу, чтобы укрыться от непогоды, но не успел переступить порог, как Герда бросилась ко мне с паническим криком:

– Тетя в больнице, у ней сердце схватило!

Мне стало совестно за себя: когда я ушел от Эммы, она была так взвинчена, что это волнение, скорее всего, и вызвало сердечный приступ.

– Что говорят врачи?

– Я дожидалась тебя, чтобы поехать в больницу. Вот сейчас и отправлюсь.

– Хотите, я пойду с вами?

– Еще чего, ведь это она захворала, а не я. И потом, где ты возьмешь велосипед? Больница – это не ближний свет. Жди здесь, так оно будет лучше. Я скоро вернусь.

Воспользовавшись ее отсутствием, я обследовал гостиную. Мне хотелось заглушить тревогу, и я стал изучать содержимое книжных полок. Там стояли признанные классики мировой литературы, но были также собрания сочинений авторов, познавших короткий период славы, который сменился полным забвением со стороны читающей публики. Вид этих книг навел меня на размышления об эфемерности успеха, о преходящем характере любой известности. Подобная перспектива терзала мое воображение. Да, сегодня у меня есть читатели, но останутся ли они со мной завтра? Писатели по недомыслию считают, что они избегнут забвения после смерти, оставив после себя нечто, но как долго просуществует это нечто? Если я чувствую себя способным говорить с читателем XXI века, то много ли мне известно о читателе XXIII века? Да и вообще, не самонадеянна ли такая постановка вопроса? И не лучше ли раз и навсегда отказаться от погони за славой, от притязаний на бессмертие? Жить настоящим, только настоящим и радоваться тому, что есть, а не уповать на будущее.

Не сознавая, что эти размышления, по аналогии, лишь усугубляют мое беспокойство о состоянии Эммы, я погрузился в какую-то прострацию, заставившую меня позабыть о времени.

И вздрогнул, когда Герда закричала во весь голос, с треском захлопнув за собой входную дверь:

– Ничего серьезного! Она уже очнулась. Скоро оклемается. Так что в этот раз пронесло.

– Ну, слава богу! Значит, это была ложная тревога?

– Да, врачи еще подержат ее там какое-то время, чтобы понаблюдать, а потом вернут мне.

Я разглядывал топорную фигуру Герды, ее могучие плечи, широкие бедра, усеянное рыжими веснушками лицо, короткие руки.

– Вы очень привязаны к своей тетушке?

Она пожала плечами и ответила так, словно это было очевидно:

– Да ведь у нее, бедолаги, только я одна и есть!

С этими словами она повернулась и ушла в кухню греметь своими кастрюлями.

Последующие дни не принесли ничего хорошего. Герда отмеривала мне, через час по чайной ложке, скупые новости о своей тетке, которая все еще лежала в больнице. А затем,

поскольку Эмма Ван А. больше не защищала город своим тщедушным телом, в Остенде нахлынули туристы.

Пасхальные праздники всегда знаменуют собой – чего я раньше не знал – начало отпускного сезона на курортах Северного моря, и начиная со Страстной пятницы городские улицы, магазины и пляжи заполнились приезжими, говорящими на всевозможных языках – английском, немецком, итальянском, испанском, турецком, французском, – правда, нидерландский все же преобладал. В город целыми полчищами прибывали супружеские пары и семьи с детьми; я никогда еще не видел столько колясочек в одном месте: казалось, побережье служит заповедником для возвращения младенцев; пляж был забит тысячами тел, хотя термометр показывал всего семнадцать градусов, а ветер продолжал холодить кожу. Мужчины, более смелые, чем женщины, подставляли торсы бледному солнцу; они обнажали их в стремлении продемонстрировать скорее собственную отвагу, нежели красоту, и тем самым принять участие в соревновании самцов, не касавшемся самок; однако им хватало храбрости лишь на то, чтобы раздеться до пояса, предусмотрительно оставив на себе длинные штаны или шорты. Меня, всегда проводившего летний сезон на Средиземном море, больше всего удивлял цвет их кожи – белый или красный, – бронзовый загар был здесь редкостью. Никто из представителей этой северной популяции не загорал как положено: здесь либо оставались иссиня-бледными, либо обжаривались на солнце докрасна, пока кожа не слезала клочьями. Одни лишь молодые турки выделялись своими золотисто-коричневыми телами среди белых и багровых, но это их явно стесняло, и они старались держаться кучно.

Невозможно было спокойно гулять в этом хаосе, пробираясь между отдыхающими, между собаками, которых не допускали на пляж и которые все равно рвались туда, натягивая поводки, между арендованными велосипедами, застревавшими в густой толпе, и педальными автомобильчиками, которые не продвигались вовсе, – я рассматривал все это как наглую вторжение. Странное дело: по какому праву я употребил именно это слово? С какой стати позволил себе считать приезжих варварами, если сам пожаловал сюда всего несколько дней назад? Неужели тот факт, что я поселился в доме Эммы Ван А., превратил меня в горячего патриота Остенде? Ладно, пусть будет так. Мне казалось, что вместе с моей хозяйкой у меня отняли и *мой* Остенде.

Вот почему я с огромной радостью увидел подъезжавшую к вилле «Цирцея» машину «скорой помощи», которая доставила Эмму домой.

Санитары внесли ее в холл вместе с инвалидным креслом, Герда налетела на тетку с разговорами, и мне показалось, что старая дама тяготится этой болтовней: она то и дело поглядывала на меня, как бы прося остаться, не уходить.

Когда Герда отправилась на кухню готовить чай, Эмма Ван А. повернулась ко мне. В ней чувствовалась какая-то перемена, словно она приняла важное решение.

Я подошел ближе.

– Как вам лежалось в больнице?

– Да ничего особенного. Впрочем, тяжелее всего было слушать, как Герда звякает спицами у моего изголовья. Не правда ли, трогательно? Когда у Герды выдается свободная минутка, она, вместо того чтобы взять книгу, вышивает, орудуя спицами – мучает шерсть, так я это называю. Терпеть не могу «рукастых» женщин. Да и мужчины их не выносят. Хотя, знаете ли, на севере Ирландии, на Аранских островах, живут крестьянки, которые тоже любят вязать. Их мужья-рыбаки либо совсем не возвращаются, либо возвращаются вместе с обломками своих лодок, разбухшие от воды, изъеденные солью, и тогда жены признают их только по рисунку вязки свитеров!⁵ Вот что случается с вязальщицами: они притягивают к себе одни только трупы!.. Мне необходимо с вами поговорить.

⁵ В аранских узорах, вязанных крючком и спицами, встречаются затейливые элементы кельтских орнаментов, и у каждой

– Я понимаю, мадам. Вы хотите, чтобы я переехал куда-нибудь на время вашего выздоровления?

– Нет, напротив. Я хочу, чтобы вы жили здесь, подле меня, так как мне нужно побеседовать с вами.

– Я готов.

– Не хотите ли поужинать вместе со мной? Гердина стряпня ничуть не лучше, чем ее кофе, но я попрошу приготовить одно из двух блюд, которые ей удаются лучше прочих.

– С удовольствием разделю вашу трапезу. Я очень рад, что вы выздоровели.

– О нет, я не выздоровела. Это чертово сердце в конце концов не выдержит и сдастся. Вот поэтому-то мне и нужно с вами переговорить.

Я с нетерпением ждал этого ужина. Все предыдущие дни я сам себе боялся признаться, как мне не хватает моей мечтательницы, и теперь чувствовал, что она готова к откровениям.

В восемь вечера, едва Герда оседлала свой велосипед и уехала домой, а мы приступили к закускам, Эмма обратилась ко мне с вопросом:

– Вам когда-нибудь приходилось сжигать письма?

– Да.

– И что вы при этом чувствовали?

– Ярость оттого, что вынужден это делать.

Ее глаза блеснули, – казалось, мой ответ придал ей храбрости.

– Вот именно. Однажды, тридцать лет назад, мне тоже пришлось бросить в огонь слова и фотографии, относившиеся к человеку, которого я любила. Я смотрела, как сгорают в камине осязаемые следы моей судьбы, но, даже если и плакала, принося эту жертву, она не затронула моих сокровенных чувств: со мной навсегда оставались воспоминания, и я твердила себе: никто никогда не сможет сжечь мои воспоминания!

Она печально взглянула на меня.

– Как же я заблуждалась! В прошлый четверг, после этого третьего приступа, я поняла, что болезнь мало-помалу сжигает и мои воспоминания. А смерть завершит эту работу. Так вот, лежа там, на больничной койке, я и решила, что должна с вами поговорить. И что вам я расскажу все.

– Почему именно мне?

– Потому что вы пишете.

– Но вы меня не читали.

– Да, но вы пишете.

– Значит, вы хотите, чтобы я записал то, что вы мне поведаете?

– Конечно нет.

– Тогда зачем же?

– Вы пишете... это значит, что вы питаете интерес к другим людям. А мне как раз это и необходимо – немного интереса.

Я с улыбкой коснулся ее руки:

– В таком случае я тот, кто вам нужен.

Она тоже улыбнулась, чуть смущенная моей фамильярностью, слегка откашлялась, провела ногтем по краю тарелки и, опустив глаза, начала свой рассказ.

«Однажды утром, больше пятидесяти лет назад, я проснулась с твердой уверенностью, что нынче со мной должно случиться нечто важное. Что это было – предчувствие или воспоминание, весть из будущего или полузабытое ночное видение? В любом случае судьба воспользовалась моим сном и глухим шепотом предрекла мне некое событие.

Вы знаете, как глупо ведет себя человек, услышавший подобное пророчество: ему не терпится угадать, что произойдет, и он самим этим ожиданием нарушает ход вещей. Еще за утренним завтраком я построила множество приятных гипотез: мой отец вернется из Африки, где он постоянно жил; почтальон принесет мне письмо от издателя с согласием опубликовать мои полудетские стихи; я снова встречу с самым близким другом детства...

Увы, наступивший день развеял мои иллюзии. Почтальон так и не явился. Никто не позвонил в дверь. И пароход, прибывший из Конго, не доставил в порт моего отца.

В конце концов я сама начала смеяться над своими утренними надеждами и назвала себя дурочкой. В середине дня, почти смирившись с мыслью о невезении, я вышла прогуляться вдоль берега, взяв с собой Бобби, моего тогдашнего спаниеля; но даже там помимо воли то и дело вглядывалась в горизонт, продолжая надеяться на чудо... Дул сильный ветер, и поэтому море и пляж были пусты.

Я медленно брела вперед, решив заглушить свое разочарование усталостью. Мой пес, чувствуя, что прогулка будет долгой, нашел старый мячик и принес его мне, чтобы поиграть.

Он помчался к дюне, куда я забросила его игрушку, но внезапно отпрыгнул назад, как будто его укусили, и залился лаем.

Я попыталась успокоить Бобби, осмотрела его лапы, проверяя, не ужалил ли его кто-нибудь, но он продолжал лаять; наконец мне это надоело, я оставила пса в покое и сама пошла за мячиком.

И тут из-за кустов показался человек.

Он был совершенно голый.

Заметив мое удивление, он сильной рукой вырвал из земли пучок травы и прикрыл ею низ живота.

– Мадемуазель, умоляю вас, не бойтесь меня.

Я и не думала пугаться, меня занимало совершенно другое, а именно: он выглядел таким сильным, таким мужественным, таким неотразимо привлекательным, что у меня даже дух перехватило.

Незнакомец умоляюще простер ко мне руку, словно хотел показать, что не питает враждебных намерений.

– Пожалуйста... не могли бы вы мне помочь?

Я заметила, что его рука дрожит.

– Я... я потерял свою одежду...

Значит, он дрожал не от страха, а от холода.

– Вы замерзли? – спросила я.

– Да... немного.

Эта литота ясно свидетельствовала о хорошем воспитании.

– Хотите, я раздобуду вам какую-нибудь одежду?

– О, пожалуйста, очень вас прошу...

Но мне тут же стало ясно, что это займет слишком много времени.

– Видите ли, для этого понадобится часа два – час туда, час обратно, за это время вы просто окоченеете. Тем более что ветер усиливается и скоро стемнеет.

Поэтому, не медля дольше, я распахнула накидку, которую носила вместо пальто.

– Вот что, наденьте это и идите за мной. Так будет проще всего.

– Но... но... вы же сами замерзнете.

– Ничего страшного, на мне блузка и свитер, а вы совсем раздеты. И потом, я вовсе не хочу, чтобы меня увидели на пляже рядом с голым мужчиной. Значит, либо вы возьмете эту накидку, либо останетесь здесь.

– Я лучше потерплю.

– Как же вы доверчивы! – со смехом сказала я, внезапно осознав весь комизм ситуации. – А что, если я уйду домой и не вернусь?

– Нет, вы на это не способны!

– Откуда вы знаете? Разве вам никто не рассказывал, как я обычно обращаюсь с голыми мужчинами, которых нахожу в кустах?

Он рассмеялся в свой черед.

– Ну хорошо. Давайте вашу накидку и... спасибо вам!

Я подошла к незнакомцу и сама накинула ее ему на плечи, – мне не хотелось, чтобы он поднял руки, оголив тем самым живот.

Он со вздохом облегчения закутался в эту шерстяную одежду, хотя она была явно мала для его могучего тела.

– Меня зовут Вильгельм, – объявил он, как будто теперь считал уместным перейти к знакомству.

– Эмма, – ответила я. – Но давайте не будем тратить время на церемонии, а скорее пойдем ко мне домой, пока эта стужа не превратила нас в айсберги. Вы согласны?

И мы двинулись в путь, борясь со встречным ветром.

Нет ничего противнее ходьбы, когда намечаешь себе определенную цель. Гораздо приятнее брести куда глаза глядят, так можно гулять до бесконечности.

К счастью, наша странная пара никого не повстречала по дороге. Мы оба молчали; моя робость возрастала с каждой минутой, я едва осмеливалась смотреть на своего спутника, боясь, как бы ветер не приподнял накидку, – ведь тогда мой взгляд покажется нескромным. Моя походка вдруг стала скованной, спина напряглась, шея онемела от усилия держаться прямо.

Наконец мы добрались до виллы „Цирцея“, и я закутала его в пледы, лежавшие в гостиной, а сама бросилась на кухню греть воду. Я всегда была неумехой, горе-хозяйкой, но сейчас изо всех сил старалась показать себя с лучшей стороны. Я уже начала выкладывать на блюдо бисквиты, как вдруг меня обожгла мысль, что я впустила в дом совершенно незнакомого человека, да еще именно в тот день, когда на вилле нет никого из прислуги; впрочем, я сразу же устыдилась своей низкой подозрительности и торопливо вернулась в библиотеку, неся на подносе исходящий горячим паром чай.

Он ждал меня, сидя в углу дивана, улыбаясь и все еще подрагивая от озноба.

– О, благодарю!

Я снова увидела его лицо с четкими чертами, светлые глаза, длинные золотистые вьющиеся волосы, пухлые губы, гладкую сильную мускулистую шею. Из-под пледа высовывалась его нога, и я заметила, какая она гладкая, точеная, без единого волоска, словно из мрамора. В моей гостиной нежданно-негаданно очутилась статуя античного героя, юный красавец-грек Антиной, которому поклонялся император Адриан и который некогда бросился в лазурные воды Средиземного моря, чтобы сегодня утром вынырнуть из волн Северного живым и невероятным. Я вздрогнула при этой мысли.

Он неверно расценил мою реакцию.

– Вы замерзли из-за меня! Это я виноват.

– Нет-нет, я очень быстро согреваюсь. Пойдите-ка, сейчас я растоплю камин.

– Хотите, я вам помогу?

– Руки прочь! Пока вы не придумаете, как ходить в этих пледах, не рискуя оскорбить мою стыдливость, я вам рекомендую смиренно сидеть на диване.

Я плохо умела разводить огонь, но на сей раз успешно справилась с этой задачей; через несколько минут буйные языки пламени уже охватили поленья, а я тем временем разливала чай.

– Я должен кое-что объяснить вам, – сказал он, с наслаждением сделав первый глоток.

– Вы ничего мне не должны, и я терпеть не могу объяснений.

– Тогда скажите сами: что же, по-вашему, со мной случилось?

– Понятия не имею. Если так, сразу, то вот мое предположение: вы родились нынче утром и, подобно Афродите, вышли из морской пены.

– А еще?

– Вы сидели вместе с другими рабами в трюме корабля, увозившего вас в Америку; судно было атаковано пиратами и затонуло на остендском рейде, но вам удалось каким-то чудом избавиться от цепей и вплавь добраться до берега.

– А каким же образом я попал в рабство?

– Это ужасное недоразумение. Судебная ошибка.

– Ага, я вижу, что вы на моей стороне!

– Конечно.

Развеселившись, он указал на тысячи книг вокруг нас:

– Вы их читаете?

– Да, несколько лет назад я освоила алфавит и теперь всю этим пользуюсь.

– Нет, вряд ли алфавит наделил вас такой буйной фантазией...

– О, меня столько раз корили моей фантазией. Так, словно это недостаток. А вы что о ней думаете?

– Она меня просто восхищает, – протянул он с улыбкой, которая меня смутила.

Я вдруг утратила дар речи. Мое воодушевление уступило место беспокойству. Что я делаю, сидя в своем доме одна, вернее, наедине с незнакомцем, обнаруженным в голом виде среди кустов? Логика подсказывала мне, что его следует бояться. По правде говоря, в глубине души я и впрямь испытывала ощущение надвигающейся опасности.

Я попыталась внести ясность в ситуацию:

– Сколько же времени вы скрывались там, в дюнах, поджидая прохожих?

– Много часов. До вас я уже окликнул двух гулявших дам. Но они сбежали так быстро, что я не успел объяснить им, в чем дело. Я их ужасно испугал.

– Может, не вы, а ваш... наряд?

– Ну разумеется, мой наряд. Однако это самое простое, что я смог придумать.

И мы оба от души расхохотались.

– Я сам во всем виноват, – продолжал он. – Вот уже несколько недель я живу здесь, неподалеку, с моей семьей, и нынче утром мне захотелось поплавать. Я поставил машину за дюнами, хорошенько приметил то место, затем, увидев, что на пляже нет ни одной живой души, сложил одежду на песок, прижал ее камнем и долго плавал. Но, вернувшись на берег, не нашел ни камня, ни одежды, ни машины.

– Улетучились? Или украдены?

– Знаете, я вовсе не уверен, что вышел в том же месте, где входил в воду, – я не очень-то наблюдателен. Да и как можно отличить одну песчаную дюну от другой?!

– Или одну скалу от другой.

– Вот именно! Потому-то я и не стал просить вас поискать мой автомобиль за дюнами, ведь я представления не имею, где он может быть.

– Вы очень легкомысленны!

– О, я так захотел поплавать в море обнаженным, что не смог побороть искушение. Морской простор звал меня.

– Я вас понимаю.

И верно, я хорошо понимала его. Мне казалось, что он так же одинок, как я, и потому природа оказывает на него такое же пьянящее воздействие. Но тут у меня зародилось одно подозрение.

– А вы были намерены вернуться на сушу?

– Вначале – да. А потом, когда плыл по течению, – нет. Мне хотелось, чтобы это продолжалось вечно.

Он пристально взглянул на меня и медленно произнес:

– Но я не самоубийца, если вы это имели в виду.

– Именно это.

– Я люблю заигрывать с опасностью, в таких случаях я прямо-таки дрожу от азарта, и когда-нибудь, наверное, совершу что-то ужасно безрассудное, но не испытываю никакого желания умереть.

– Скорее, желание жить?

– Именно так.

– И бежать от чего-то...

Эти слова явно застигли его врасплох, и он плотнее закутался в плед, словно хотел отгородиться от моей, смутившей его, пронизательности.

– Кто вы? – спросил он.

– А вы как думаете?

– Моя спасительница, – прошептал он с улыбкой.

– И все? А ну-ка, давайте проверим, наделены ли и вы даром фантазии.

– О, боюсь, что я освоил лишь алфавит, а с фантазией у меня плохо.

– Впрочем, разве это важно, кто мы на самом деле? Вот вы для меня – прекрасная живая статуя, которую я нашла на пляже, отогрела и сейчас одену во что-нибудь, дабы поскорее вернуть вашей жене.

Он нахмурился:

– Почему вы говорите о моей жене? Я не женат.

– Простите, недавно вы упомянули о своей...

– ...семье. Я живу здесь с родными – родителями, дядями, кузенами.

До чего же я глупа! Я сболтнула, что он прекрасен, лишь потому, что считала его женатым, и теперь сгорала от стыда, как будто сама явилась перед ним неприлично обнаженной. Он внимательно разглядывал меня, склонив голову набок:

– А вы... разве ваш муж не здесь?

– Нет. Сейчас – нет.

Он явно ожидал более подробного ответа. Я же поспешила отойти к камину и начала ворошить горевшие поленья, пытаюсь собраться с мыслями... Я понимала, что этот человек безумно нравится мне, и чувствовала, как меня охватывает смятение. Теперь я уже не хотела, чтобы он ушел, но в то же время никак не могла решиться сказать ему, что живу одна в доме. Вдруг он этим воспользуется... А собственно, чем *этим*? Соблазнит меня? Что ж, я не против. Обворует? Если вспомнить о его „костюме Адама“, то он скорее жертва воровства, нежели вор. Нападет на меня? Нет, не похоже, он не производил впечатления агрессивной личности.

Обернувшись к нему, я пошла напролом:

– Скажите, вы опасны?

– Смотря для кого... Для рыбы, для зайцев и фазанов – несомненно, поскольку занимаюсь и рыбной ловлей, и охотой. Но для всех остальных...

– Ненавижу охотников.

– Значит, вы ненавидите меня.

Он с улыбкой бросал мне вызов. Я снова уселась перед ним.

– Я заставлю вас изменить свое мнение...

– Мы знаем друг друга всего несколько минут, а вы уже намерены изменить меня?

– Мы совсем друг друга не знаем. – Запахнув поплотнее плед, он негромко продолжал: – Хочу ответить на ваш вопрос: нет, вам не стоит меня бояться. Я бесконечно благодарен вам за то, что вы вытащили меня из этой глупой переделки и храбро впустили к себе в дом. Но я

не хотел бы злоупотреблять вашим гостеприимством... Возможно ли позвонить отсюда, чтобы за мной приехали?

– Конечно. Но не хотите ли сперва принять горячую ванну? Это вас согреет...

– Я не смел просить вас об этом.

Мы встали.

– И еще... если бы у вас нашлась какая-нибудь одежда...

– Одежда?

– Ну да, рубашка, брюки... Можете не сомневаться, я, разумеется, верну их вам постиранными и выглаженными.

– Видите ли... у меня здесь нет мужской одежды.

– А ваш супруг?

– Видите ли... у меня нет и супруга.

Воцарилось молчание. Он улыбнулся. Я тоже. Потом упала в кресло, бессильно, как тряпичная кукла.

– Очень сожалею, что у меня нет мужа, чтобы выручить вас, до сих пор мне никогда не приходило в голову, что от мужа может быть какая-то польза.

Он со смехом опять присел на диван:

– А ведь мужья бывают очень даже полезны.

– О, я заранее знаю, что мне не понравится то, что вы собираетесь сказать! Но все равно, говорите... Так какую же пользу мог бы принести мне муж? Не стесняйтесь, начинайте...

– Например, составлять вам компанию.

– Для этого у меня есть книги.

– Сопровождать вас на пляж.

– Я хожу туда с моим спаниелем Бобби.

– Открывать вам дверь и пропускать вперед, когда вы куда-нибудь входите.

– Я прекрасно справляюсь с дверями сама, и мне не нужен муж, который пропускает вперед других. Нет, этого мало; чем же еще он мог бы мне услужить?

– Ну, например, заключил бы вас в объятия и стал целовать в шею, в губы.

– Вот это уже лучше. А потом?

– А потом он отвел бы вас в спальню и сделал счастливой.

– Даже так?

– Он бы любил вас.

– И это ему удалось бы?

– Мне кажется, вас совсем нетрудно полюбить.

– Почему?

– Потому что вы очень милая.

И тут мы невольно, бессознательно придвинулись друг к другу.

– А разве так уж необходимо выйти замуж, чтобы испытать все это? Разве эту роль не может выполнить возлюбленный?

– Да... – почти неслышно прошептал он.

Внезапно его лицо окаменело. Он откинулся назад, туго стянул на плечах плед, вскочил с места, окинул тревожным взглядом стены, заставленные книгами, и произнес совсем другим голосом, твердо и отдельно:

– Мадемуазель, мне очень стыдно за свое неприличное поведение. Вы так очаровательны, что я забыл о ситуации, заставляющей вас слушать, а меня толкнувшей на недопустимые высказывания. Прошу простить мне эти выходки. Не могли бы вы провести меня в вашу ванную?

Его голос звучал с новой, властной силой, и я подчинилась не раздумывая.

Впустив его в ванную, я пообещала, что одежда будет ждать на табурете у двери, и бросилась в свою комнату.

Торопливо распахивая шкафы и выдвигая ящики комодов, я вспоминала всю эту сцену. Что же со мною приключилось? Я вела себя как авантюристка, льстила ему, поощряла, распалила... да, прямо-таки вынудила его к ухаживаниям... Во мне проснулось страстное желание понравиться, оно пронизывало все мои слова, все жесты и взгляды, побуждая превратить нашу беседу во флирт. Сама того не желая, я установила между нами атмосферу эротического притяжения, вошла в образ доступной женщины и позволила ему проявить недопустимую вольность в обращении со мной; к счастью, в последний миг он вспомнил о приличиях и отреагировал должным образом.

Содержимое шкафов привело меня в полное уныние. Мало того что я не нашла в них никакой мужской одежды, но и все остальное решительно не подходило моему гостю по размерам. Вдруг мне пришло в голову подняться наверх, в комнату моей служанки Маргит, которая отличалась высоким ростом и дородной коренастой фигурой; пользуясь ее отсутствием, можно было позаимствовать что-нибудь из ее вещей.

Вспотев от волнения, я вытащила из ее сундука самую широкую одежду, какая нашлась, спустилась вниз и крикнула сквозь дверь ванной:

– Мне стыдно признаться, но это просто ужасно: я могу предложить вам только халат моей служанки.

– Сойдет и халат.

– Вы так говорите, потому что еще не видели его. Я жду вас в гостиной.

Когда он спустился по лестнице, облаченный в этот просторный наряд из белого ситца, с кружевцами на вороте и обшлагах, мы оба расхохотались. Он-то смеялся над своим нелепым видом, я же больше от смущения, ибо эта женская одежда, в силу контраста, подчеркивала его мужественный облик. Меня волновали его большие руки, длинные ноги.

– Могу ли я позвонить?

– Да, телефон вон там.

– Что мне сказать шоферу?

Удивившись тому, что он собирается говорить с шофером, а не с кем-то из родных, я не сразу поняла вопрос и ответила невпопад:

– Скажите, что ему будут здесь рады, а также угостят чаем.

Вильгельма одолел такой смех, что ему пришлось сесть на ступеньку лестницы. Я пришла в восторг оттого, что мои слова развеселили его, хотя и не понимала причины. Слегка успокоившись, он объяснил:

– Простите, мой вопрос означал совсем другое: какой адрес я должен назвать шоферу, чтобы он за мной приехал?

– Вилла „Цирцея“, дом два, улица Рододендронов, Остенде.

Стремясь взять реванш и доказать, что меня тоже хорошо воспитали, я оставила его у телефона и удалилась в кухню, где начала греметь посудой, чтобы он не думал, будто я подслушиваю его разговор, более того, даже стала что-то насвистывать под звон чайников, ложек и чашек.

– Вы готовите чай так звучно, что вам позавидовал бы симфонический оркестр.

Вздрогнув от неожиданности, я повернулась и обнаружила своего гостя на пороге кухни.

– Вы дозвонились родным? Успокоили их?

– Они и не думали волноваться.

Мы вернулись в гостиную с чайником и второй порцией бисквитов.

– Скажите, Эмма, а вы сами пишете?

– Почему вы спросили? Странно, все задают мне этот вопрос!

– Вы ведь столько читаете.

– Я сочинила несколько ужасных стихов, но думаю, что на этом и остановлюсь. Чтение и сочинительство не имеют между собой ничего общего. Это все равно что я спросила бы вас, не

хотите ли вы превратиться в женщину лишь потому, что любите женщин! Ну вот, ваш вопрос звучит так же абсурдно.

– Это верно, но откуда вы взяли, что я люблю женщин?

Я прикусила язык. Попалась! Значит, я все-таки невольно придала своим словам оттенок эротики. Когда этот человек находился меньше чем в трех метрах от меня, я не могла сладить с собой и не завлекать его.

– Ну... мне так кажется, – пробормотала я, пряча глаза.

– Видите ли, я не пользуюсь репутацией женолюба, – добавил он, понизив голос. – Мои братья и кузены бегают за юбками куда больше, чем я. Они упрекают меня в благоразумии, в чрезмерном благоразумии.

– Вот как? А почему же вы так благоразумны?

– Думаю, потому, что берегу себя для одной женщины. Для настоящей. Для единственной.

Вначале я сдуру подумала, что эта фраза обращена ко мне. Но тут же осознала свою ошибку иотреагировала, попытавшись придать этой теме иной поворот:

– Вы же не станете уверять меня, что в вашем возрасте не... все еще не...

Я не договорила – мне стало безумно стыдно за себя! Ну с какой стати я мучаю этого божественно красивого мужчину, которого сперва вырядила в женские тряпки, а теперь допытываюсь, сохранил ли он непорочность?!

Его губы искривила удивленная и одновременно веселая усмешка.

– Нет, будьте покойны, к *этому* я приобщился. И очень доволен, что приобщился. Видите ли, меня окружало множество женщин старше меня годами и тем не менее блестящих красавиц; они с удовольствием посвятили меня в это, когда я был еще довольно молод.

– Спасибо, вы меня утешили! – ответила я с облегченным вздохом, как будто он похвастался своими успехами в гольфе.

– И тем не менее я предпочитаю долгие прогулки на природе, пешие или конные, а также многочасовые заплывы, как сегодня утром. Вот видите, мои удовольствия подчинены строгой иерархии.

– Мои тоже, – солгала я.

И отошла к камину, якобы спеша поворошить поленья, чтобы оживить угасавшее пламя.

– Почему вы мне об этом говорите? – холодно спросила я.

– О чем, простите?

– Почему вы рассказываете мне такие интимные вещи, ведь мы с вами совсем незнакомы.

Он отвернулся, задумчиво помолчал, потом серьезно взглянул на меня:

– Для меня это очевидно...

– Для меня – нет.

– Мы ведь нравимся друг другу, верно?

Наступил мой черед спрятать лицо и сделать вид, будто я размышляю, перед тем как взглянуть ему в глаза.

– Да, вы правы, это очевидно.

И мне почудилось, будто в этот миг – и на все последующие годы, подаренные нам судьбой, – воздух, окружавший нас, волшебным образом переменялся.

Внезапно эту идиллию разорвало пронзительное дребезжание дверного звонка. Он поморщился:

– Это мой шофер...

– Уже?

Какие же удивительные сюрпризы готовит нам жизнь: в полдень я еще не знала этого человека, а сейчас, в сумерках, мне было невыносимо тяжело расставаться с ним.

– Нет, Вильгельм, вы не можете уйти так...

- В этом халате?
- В халате, не в халате – вы не можете просто взять и уйти.
- Я вернусь.
- Вы обещаете?
- Клянусь вам.

Он поцеловал мне руку, и это мгновение затмило все предыдущие двадцать три года моей жизни.

Когда он переступал порог, я сказала ему вслед:

- Полагаюсь на вас, иначе мы больше не увидимся, ведь я даже не знаю, кто вы.

Он с улыбкой сощурил глаза:

- Вот это-то и прекрасно: вы меня не узнали.

И прикрыл за собой дверь.

Я не захотела смотреть, как он уезжает, – так и осталась сидеть без сил, в глубине темной комнаты.

Оглушенная случившимся, я не придала значения его последней фразе, зато ночью, перебирая одну за другой все минуты нашей встречи, задумалась над этими словами: „Вы меня не узнали“. Разве мне уже приходилось его видеть? Нет, я бы непременно запомнила человека, наделенного столь замечательной внешностью. Может, мы жили рядом в детстве? Да, скорее всего так: детьми мы играли вместе, а потом выросли. Он меня узнал, я его нет, этим все и объяснялось.

Так кто же он?

Я долго рылась в памяти, но не нашла в своем прошлом никакого Вильгельма... И потому лихорадочно ждала его возвращения.

На следующий день он предварил свой приход телефонным звонком, спросив, можно ли прийти к чаю.

Когда он появился, меня буквально ослепил его вид: элегантный блейзер, рубашка из тончайшей ткани, дорогие туфли и множество прочих деталей костюма превратили вчерашнего дикаря в светского человека, создав ощущение, что передо мной какой-то незнакомец.

Он заметил мое смущение.

– Ну-ну, только не уверяйте меня, будто сожалеете о том, что я облачен в свои собственные вещи. Иначе я сейчас же переоденусь в халат вашей служанки, я ведь его вам принес.

И он вручил мне халат, завернутый в шелковую бумагу.

– Не нужно меня запугивать, – ответила я, – уж как-нибудь постараюсь привыкнуть к вашему новому обличению.

Я провела его в гостиную, где нас ждали чай и пирожные. Похоже, ему было приятно вновь оказаться здесь.

- Я все время думал о вас, – признался он, садясь.

– О, вы украли у меня текст: это были первые слова, с которыми я хотела к вам обратиться.

Он прижал палец к губам, затем повторил еще нежнее:

- Да, я все время думал о вас...

- Любимый мой! – воскликнула я, и меня одолели рыдания.

Я и сама не понимала, отчего веду себя так необычно, когда этот человек оказывается рядом со мной. С какой стати я вдруг залилась слезами? Чтобы укрыться в его объятиях, ибо в следующее мгновение я именно это и сделала. Сомнений не было: стоило ему приблизиться, как другая женщина, доселе дремавшая во мне, гораздо более женственная и хитрая, тотчас просыпалась и действовала столь умело и ловко, что я решила дать ей полную волю.

Он успокоил меня, отстранил, усадил в кресло, сам сел в другое, рядом, и попросил разлить чай. Он вел себя вполне разумно: слишком бурные эмоции действуют убийственно. Этот возврат к привычным жестам позволил мне вновь обрести хладнокровие и остроумие.

– Вильгельм, вчера вы узнали меня, но я вас так и не узнала.

Он недоуменно поднял брови:

– Простите, не понял. Вы сказали, что я вас узнал?

– Наверное, мы играли вместе, когда были совсем маленькими, разве нет?

– Вы так полагаете?

– А разве вы не помните?

– Нет, совсем нет.

– Тогда почему же вы упрекнули меня в том, что я вас не узнала?

Он вдруг ужасно развеселился.

– Честное слово, я вас просто обожаю!

– В чем дело? Что я такого сказала?

– Вы единственная женщина на свете, способная влюбиться в неизвестного мужчину, вышедшего из воды. Я смеюсь над тем, что вы меня не узнали, потому что я известен.

– Мне?

– Нет. Множеству других людей. Обо мне пишут газеты, они печатают мои фотографии.

– Почему? Что вы такого делаете?

– Что я делаю?

– Ну... вы играете на сцене, пишете, побеждаете в каких-нибудь соревнованиях? Вы чемпион в автомобильных гонках, в теннисе, в парусном спорте? Ведь известность достигается талантом. Так чем вы занимаетесь?

– Ничем. Я – просто я.

– Вы – просто вы?

– Да, я – просто я.

– Так кто же этот „я“?

– Принц.

Я была так мало готова к этому ответу, что попросту онемела.

Не дождавшись от меня ни слова, он слегка обеспокоился.

– Вас это шокирует?

– Меня?

– Конечно, вы имеете полное право считать монархию нелепым анахронизмом...

– Нет-нет, ни в коем случае. Просто... Мне чудится, будто я снова вернулась в детство...

Ну, вы знаете, как это бывает: маленькая девочка, влюбленная в принца. Какая нелепость! Я чувствую себя полной дурочкой. Дурочкой потому, что не узнала вас. Дурочкой потому, что питаю к вам такие чувства. Словом, дурочка, и ничего больше!

– И вовсе вы не дурочка.

– Будь я еще пастушкой, – продолжала я, стараясь обернуть дело в шутку, – это имело бы хоть какой-то смысл! Принц и пастушка – прелестный сюжет, не правда ли? Увы, я очень сожалею, но у меня нет овечек, я никогда не пасла овечек, боюсь даже, что терпеть не могу овечек, во всяком случае совершенно не выношу их запаха. Перед вами безнадежный случай!

Решительно я его развлекала. Он схватил меня за руки, стараясь умерить мое лихорадочное возбуждение.

– Вот и не меняйтесь. Если бы вы знали, как меня восхищает ваша неискренность... Я, знаете ли, привык к тому, что молодые девушки млеют при виде меня.

– Берегитесь, я очень даже способна млеть при виде вас! Более того, мне страшно хочется млеть перед вами.

И наша беседа вошла в самое что ни на есть приятное русло. Он хотел все узнать обо мне, я хотела все узнать о нем, однако мы оба чувствовали, что цель этой встречи состоит не в том, чтобы поведать друг другу наше прошлое, но в том, чтобы построить настоящее.

Теперь он приходил ко мне ежедневно после обеда.

Должна отметить, что если мы не сразу стали принадлежать друг другу, то это была его заслуга – не моя. Я – или, вернее, та чувственная женщина, что жила во мне, – отдалась бы ему со второго же раза. Но он не пожелал, чтобы это произошло так скоро. Ему, несомненно, хотелось придать этому событию волшебную окраску.

Вот отчего мы продолжали видеться еще много недель, обмениваясь лишь словами да поцелуями. Вплоть до того дня, когда, слившись в страстном объятии, уже не смогли разорвать его.

Вот тогда-то я и поняла, что, выказав мне свое уважение и помешав отдаться сразу же, он теперь ждет знака от меня.

И я подала ему этот знак, написав...»

Эмма Ван А. прервала свой рассказ. Она откашлялась и с минуту помолчала, что-то обдумывая.

– Нет ничего отвратительней дряхлой старухи, вспоминающей о былых страстях. Я не хочу подвергать вас этому испытанию. В возрасте угасания негоже затрагивать некоторые темы, – надеешься вызвать сочувствие, а вызываешь одну лишь гадливость. Нет, я возьмусь за это иначе. Может быть, мы выйдем из-за стола?

Мы вернулись в гостиную, заставленную книгами.

Она ловко подкатила свое кресло к старинному секретеру, нажала на какую-то пружину, которая выдвинула потайной ящик, и достала из него тонкую тетрадь в оранжевой кожаной обложке.

– Возьмите. Я написала это, когда решила стать его любовницей.

– Я боюсь быть нескромным...

– Нет-нет, берите. Сядьте вот здесь, под лампой, и читайте. Это наилучший способ продолжить мою исповедь.

Я сел и открыл тетрадь.

Моему господину и будущему повелителю

АЛЬБОМ ЛЮБВИ

Эммы Ван А.

Полагая, что нет в любви ничего более угнетающего, чем внезапные, банальные, животные объятия, я дарю эти записи мужчине, который меня пленил. Пусть он рассматривает их как меню, в котором сможет выбирать, вечер за вечером, самое лакомое для него блюдо, указывая мне на него.

1. Терзания Улисса, искушаемого сиренами

Все знают, что Улисс велел своим спутникам привязать себя к мачте корабля, чтобы не поддаваться чарующему пению сирен. Мой господин, подобно Улиссу, будет привязан к колонне почти обнаженным, с повязками на глазах и на губах, которые не позволят ему видеть и говорить. Сирена же станет ходить вокруг него, временами чуть задевая, но отнюдь не касаясь и нашептывая ему на ухо любовно-страстные желания, которые хотела бы внушить ему. Поскольку сирена – а в равной степени и мой господин – наделена богатым воображением, то ее описания этих сцен произведут такой же эффект, как реальное их воплощение.

2. Утехи Прометея

Прометей, наказанный Зевсом, был прикован к скале, куда каждый день прилетал орел, чтобы пожирать его печень. Я предлагаю приковать моего господина к чему-нибудь столь же незыблемому, как скала, но пожирать у него будут нечто другое. Притом столько раз, сколько он пожелает.

3. Явления во сне

Древние греки верили, что всякий сон посещают боги. Мой господин, распростертый на спине в постели, притворится спящим, я же уверю его, что богиня сладострастия Афродита явилась ему во сне. Если он обещает не открывать глаза, не протирать руки – словом, совсем не двигаться, разве только слегка выгнет спину, я сделаю все остальное: сяду на него и с помощью нежных, умелых движений приведу нас обоих к взаимному наслаждению.

Другой вариант: я буду изображать спящую, а мой господин – бога.

4. Флейтистка

Мой господин станет флейтой, а я музыкантишей. Я виртуозно сыграю на его инструменте. Хочу заметить, что, будучи опытной исполнительницей, я так же хорошо играю на продольной флейте, как и на поперечной. Мундштук первой берут в рот, вторую ласкают губами сбоку.

5. Медведь и улей

Мой господин будет медведем, добывающим сладкий медовый нектар, а я уподоблюсь надежно скрытому улью, который так же трудно найти, как и разорить. Но как только медведь отыщет позу, которая будет удобна и ему, и мне, я позволю ему неустанно слизывать языком мой мед.

6. Первозданный шар

Аристофан уверял, что в начале творения мужчина и женщина являли собой общее тело сферической формы, которое затем разделилось на две половины – мужскую и женскую. Мы попробуем восстановить эту первичную сферу, тесно приникнув друг к другу, более того, проникнув друг в друга всюду, где это возможно.

Мы постараемся двигаться при этом как можно меньше, дабы позволить нашим ощущениям обостриться до предела и довести нас до экстаза. Тем не менее этой сфере – как и всякой другой – отнюдь не запрещено перекатываться по кровати или по ковру.

7. Перевернутые половинки шара

Здесь можно опять-таки попытаться восстановить шар, допустив при этом одну ошибку, – ведь не все же люди хорошо разбираются в геометрии. Таким образом, голова моего господина очутится между моими ляжками, а моя – у него между ног. И хотя желание соединиться в такой позе обречено на фиаско, мы все же достигнем хотя бы подобия успеха, захватывая губами любую часть тела партнера, какая попадется.

8. Смотрители маяка

Один поэт утверждал, что любить – значит смотреть вместе в одну сторону. Это-то мы и постараемся сделать, расположившись так же, как смотрители на отвесном утесе: я – впереди, мой господин – приникнув ко мне сзади.

9. Странствия Тиресия

Некоторые считают этого знаменитого грека прорицателем, другие – единственным двуполым существом на земле, ибо легенда гласит, что ему довелось быть и мужчиной, и

женщиной. Мы с моим господином рискнем повторить опыт Тиресия: мой господин перевоплотится в женщину, я же уподоблюсь мужчине.

10. Кабачок и дыни

Старинный рецепт блюда с берегов Эгейского моря – кабачок между двумя дынями – позволяет пить извернутый ими сок.

11. Ожидание в лабиринте

Что такое лабиринт? Место, где блуждают, где за любой перегородкой скрыта следующая, где ложные выходы ведут в тупики, где невозможно отыскать таинственное недосыгаемое средоточие. Игра состоит в том, чтобы множить, подобно пленнику лабиринта, попытки приблизиться к его центру, то и дело сбиваясь с пути, упираясь в очередную глухую стену, шаря по боковым закоулкам – короче говоря, медленно двигаясь к источнику наслаждения. Найти его никому не возбраняется, желательно только, чтобы это произошло как можно позже.

12. Олимпийские игры

Подобно древним атлетам, мы с моим господином обнажим тела и умастим их маслом. Дальше у нас есть выбор – борьба или уход за телом. В первом случае каждый из нас попытается одержать верх над партнером. Во втором – нужно будет его массировать. Эти занятия не противоречат друг другу и могут успешно чередоваться. В борьбе дозволены любые приемы, при массаже – любые ласки и прикосновения.

13. Снега Парнаса

Когда вершина горы Парнас убелена снегами, холод оставляет на коже свои жгучие укусы; однако боги собираются именно там. Вот и мы с моим господином станем заниматься любовью подобно богам, но тела наши покраснеют не от снега, а от неистовых движений.

Потрясенный до глубины души, я закрыл тетрадь, не решаясь поднять глаза на Эмму Ван А. Я даже представить себе не мог, что она способна написать такое.

– Ну что вы об этом думаете? – спросила она.

Вот уж вопрос, который мне не хотелось услышать! К счастью, я не успел ответить, так как она взяла у меня из рук тетрадь со словами:

– Не стану говорить вам, что именно он выбирал. Важно другое: объятия наши с первого же раза опьянили нас до безумия. С тех пор, хлебнув этой сладкой отравы, он уже не мог обходиться без меня, а я без него. До этого мне и представить было невозможно, как приятны любовные игры с мужчиной, который выказывал себя сладострастным, чувственным неустанным охотником за наслаждениями... Больше всего ему нравилось прийти ко мне и с жадным блеском в глазах указать на ту или иную строчку в моем альбоме. Кто же из нас главенствовал над другим? Его ли пылкость возбуждала мою, или он угадывал мои желания? Этого я так и не узнала. В минуты отдыха мы беседовали о литературе...

Она погладила тыльной стороной руки кожаную обложку.

– Однажды он подарил мне такой же альбом, где было «меню» на мой выбор. Увы, позже мне пришлось его сжечь.

Она замолчала, углубившись в это воспоминание, а я тем временем с вождением раздумывал о том, что мог написать ей Вильгельм. Какие новые любовные изыски изобрел он для нее? Каких пределов достиг благодаря дерзкому воображению своей любовницы? Наряду с учтивыми фразами и обращением на «вы», эти любовники ушедшей эпохи отважились на неслыханную свободу действий: каждый из них безбоязненно поверял другому свои эротиче-

ские фантазии, вовлекая его в новые и новые игры, не опошляя свои обьятия механическим повторением, но возвышая их до вдохновенного, поэтического акта любви.

– После того как Вильгельм прочел мой альбом, – продолжала Эмма, – он с изумлением обнаружил, что был первым мужчиной, который обладал мною.

– Что вы сказали?

– Да-да, вы не ослышались. Ему понадобилось вполне вещественное доказательство, чтобы убедиться, что до него я была девственницей.

– Признаться, эти записи не очень-то похожи на изречения непорочной девственницы.

– Я была девственницей, но вовсе не непорочной. Иначе как бы я смогла измыслить эти строки, а затем реализовать их на деле?! Нет, я освоила эту науку еще раньше, в Африке.

– В Африке?

– Да, именно так я объяснила и Вильгельму.

«Я провела детство в черной Африке, на просторной вилле с колоннами, где слуги пытались уберечь нас от жары с помощью штор и вентиляторов, что, впрочем, создавало в комнатах лишь теплую тень. Я и родилась там же, в Конго, – эта страна была алмазом в венце бельгийской колониальной империи. Мой отец приехал туда в качестве преподавателя литературы для белой буржуазии Киншасы; в гостиных местного высшего света он познакомился с богатой молодой девицей, влюбился в нее и, хотя не имел никакого состояния, а был всего лишь образованным молодым человеком, добился брака с ней. Мое появление на свет убило мою мать: она умерла сразу после родов, и я знаю ее только по фотографии в коричневых тонах, стоявшей на фортепиано, на котором она некогда играла; после ее кончины инструмент заперли, и он стоял в гостиной эдаким немым величественным саркофагом; снимок же довольно скоро выцвел, и я, достигнув отрочества, различала на нем всего лишь хрупкий призрачный силуэт. Отец стал вторым призраком моего детства: он то ли винил меня в гибели своей жены, то ли просто презирал, но не уделял мне ни внимания, ни заботы. Получив богатое женино наследство, он истратил все деньги на покупку тысяч книг, после чего заперся у себя в библиотеке, выходя оттуда лишь в часы лекций.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.